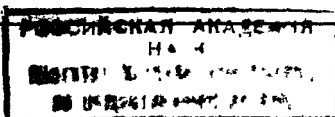

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

0164(2)
76
32

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ
СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

1

издается с 1973 г.
выходит 4 раза в год
индекс РЖ 2
индекс серии 2,5
рефераты 96.01.001-96.01.045

МОСКВА 1996

71 *Fisher A.W* Subordinate religious and national groups in multinational empires Muscovite Russia and the Ottoman empire in the sixteenth and seventeenth centuries (A comparative approach) // *State and society in Europe from the fifteenth to the eighteenth century* - Warszawa, 1985 - P.121-140

72 *Halperin Ch.J.* Russia and the Golden Horde - Bloomington, 1985 - 180 p

73 *Halperin Ch.J* The Tatar Yoke - Columbus (Ohio), 1986 - 231 p

74 *Olearius A* Vermehrte neue beschreibung der Muscowitischen und Persischen reyse - Schlesswig: Gedruckt in der furstl druckerey, durch Johan Holwein, 1656 - 14, 766, 47 S

75 *Pelenski J* Muscovite Russia and Poland-Lithuania, 1450-1600 State and society - some comparisons in socio-political developments // *State and society in Europe from the fifteenth to the eighteenth century* - Warszawa, 1985 - P 93-120

76 *Voltaire F.M.A.* Oeuvres completes - P, 1882 - Vol 48 - 635 p

96.01.003. КУДРЯКОВА Е.Б. РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. (ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ).

В последние годы отечественная историография пополнилась значительным числом книг и статей, посвященных проблемам российской эмиграции. Спектр их тем довольно широк - от трудовой эмиграции XIX - начале XX в. до политической эмиграции послереволюционного и послевоенного потоков. Это - сборники документов и научные исследования, материалы конференций и учебные пособия. Каждая из публикаций, отражая различные подходы авторов и составителей, вносит свой вклад в копилку знаний о российском зарубежье. К сожалению, часть из них, в особенности это касается академических изданий, вышла небольшим тиражом (от 300 до 1000 экз.), в силу чего они не всегда доступны не только широкому читателю, но и специалистам. Рассмотрим некоторые из них.

В настоящее время продолжается начавшийся в результате политики гласности процесс возвращения в Россию литературного наследия эмиграции. Впервые опубликованы на родине автора "Воспоминания" Никанора Васильевича Савича (6), являющиеся важным источником по истории российского зарубежья

Думский деятель, член 3 и 4 Гос.Думы, он после Октябрьского переворота примкнул к Белому движению, работал в правительстве Юга России генерала Деникина и генерала Врангеля, продолжал сотрудничать с последним и после эвакуации в Константинополь. "Воспоминания" Н.В.Савича охватывают годы гражданской войны и начальный период эмиграции. Оставшись при штабе генерала Врангеля в Константинополе в качестве единственного и последнего представителя Правительства Юга России, он до конца боролся за распределение оставшихся в распоряжении эмиграции финансовых ресурсов в пользу армии, сидевшей на голодном пайке в Галлиполи.

В начале февраля 1921 г. он выехал из Константинополя в Париж с тем, чтобы по поручению ген.Врангеля войти в состав Делового комитета и заниматься сбором средств для сохранения ядра армии. В то же время он занял пост контролера находившегося в Париже правления добровольного флота, располагавшего еще рядом кораблей, уведенных при эвакуации из Крыма.

Савич стал также одним из членов-учредителей Народно-монархического союза конституционных монархистов, ставивших своей задачей возрождение России, т.е., согласно документам, восстановление монархии и законодательных учреждений. Представляя эту организацию, он вошел в состав инициативной группы по объединению русских общественных организаций, возникшей для подготовки созыва Российского зарубежного съезда, выполняя функции секретаря этой группы. Как и генерал Врангель, Савич был разочарован результатами съезда, открывшегося 4 апреля 1926 г., которому так и не удалось достичь единства.

После съезда он отходит от общественной жизни эмиграции и с 1927 г. посвящает себя работе над "Воспоминаниями". В конце 30-х годов Савич подготовил свой обширный труд для печати, о чем свидетельствует рукопись, случайно найденная вместе с другими бумагами в подвале прекратившего свое существование издательства в Париже. Но начавшаяся война и оккупация Франции лишили Савича надежды на издание своей рукописи. Он скончался

в 1942 г. и был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Публикация "Воспоминаний" Савича представляет немалый интерес потому, что принадлежит очевидцу и участнику описываемых событий, который, как метко выразился генерал Врангель, обладает "исключительным даром беспристрастного, объективного анализа". Они позволяют не только дополнить ранее изданные книги генерала Деникина, Врангеля, Лукомского о белом движении, но и в ряде случаев проверить достоверность опубликованных мемуаров.

Материалы заседания "круглого стола" на тему "Задачи изучения истории российского зарубежья", подготовленного совместно Институтом российской истории РАН и ассоциацией "Родина", легли в основу публикаций сборника статей (3), в котором нашли отражение выступления ученых гуманитарных институтов РАН, преподавателей МГУ, других вузов, научных работников архивов, библиотек и др. В данное издание были помещены прежде всего работы, имеющие методологическое значение.

В открывающей сборник статье Ю.А.Полякова рассматривается процесс складывания российского зарубежья, дается периодизация его истории, обозначены наиболее актуальные проблемы его изучения. Не прибегая к нумерации эмиграционных волн из России, которой "грешат" некоторые исследователи, автор выделяет основные массовые потоки эмиграции, связывая их с имевшими место историческими событиями.

Российское зарубежье как социально-политический феномен складывалось на протяжении длительного времени. Основная его часть, наиболее общественно активная, обладающая наиболее значительным интеллектуальным потенциалом, покинула пределы России в результате революции и последующей гражданской войны 1917-1921 гг. От 1,5 до 2 млн. граждан России, как указывает автор, оказались оторванными от родных очагов (3, с.3).

Половину миллиона новых эмигрантов оставила за пределами страны вторая мировая война, которая положила начало особого периода в истории российского зарубежья (с.4).

Сложный и противоречивый период холодной войны стал одновременно и новым этапом эмиграции из России. В течение четырех послевоенных десятилетий укреплялись понемногу контакты со старым российским зарубежьем, но вместе с тем росла новая волна людей, пересекавших границу навсегда или надолго по причине неприятия хрущевских капризов в отношении интеллигенции либо брежневского застоя, - волна людей, утративших веру в торжество "всепобеждающего" марксистско-ленинского учения.

Как особый этап в истории российского зарубежья автор выделяет 1985-1992 гг., когда в связи с коренными переменами в нашем обществе стало возможным национальное примирение. Его официальным подтверждением и закреплением явился Конгресс соотечественников, состоявшийся в августе 1991 г. в России, на который прибыли представители российской диаспоры из многих зарубежных стран.

Российское зарубежье в настоящее время оказалось в центре пристального внимания нескольких научных дисциплин: истории, философии, социологии, политологии, психологии. При этом, как отмечает автор, изменился подход исследователей: исчезло противопоставление России и российского зарубежья. Последнее рассматривается как ветвь общероссийского древа, а культура и литература зарубежья - как часть общероссийской культуры и литературы.

Важной проблемой исторической науки остается изучение массовых миграций из России, в том числе тех, которые начались задолго до Октябрьской революции. Хотя численность, национальный состав и направление миграционных потоков XIX-начала XX в. достаточно известны, необходимо конкретное исследование причин, условий миграции, их особенностей, а также

сравнительные исследования, охватывающие различные хронологические этапы.

Внимание специалистов в настоящий момент направлено также на рассмотрение адаптационных процессов, что позволяет выявить как общие закономерности в жизни выходцев из разных стран, так и особенности российской диаспоры.

Отличительной чертой настоящего этапа в изучении российского зарубежья, по мысли Ю.А.Полякова, является то, что он предшествует поре действительно основательного и действительно научного изучения проблем российского зарубежья как части глобальной проблемы миграций в современном мире.

Наряду с дальним зарубежьем ближнее зарубежье также нуждается в концептуальной разработке, ставшей особенно актуальной в последние годы. Касаясь принципиальных особенностей, отличающих одно от другого, автор замечает, что если в первом случае мы подразумеваем людей, покинувших Россию в результате эмиграции, то в ближнем зарубежье речь идет о лицах коренной национальности, об автохтонах, исконных жителях этих территорий.

В статье Н.А. Панкова раскрывается опыт работы ассоциации "Родина", которая уже несколько лет на практике занимается проблемами ближнего зарубежья. Сегодня, замечает автор, имеет место не только ущемление гражданских, социально-экономических прав, прав на сохранение языка и культуры, но и появляются отдельные моменты, говорящие о препятствии жизни наших соотечественников в отдельных государствах ближнего зарубежья.

Ряд проблем связан с реализацией прав соотечественников в области культуры, языка и образования. Например, в Эстонии в результате аттестации учебных заведений намечается резкое сокращение количества школ с преподаванием на русском языке. Для многих выпускников русских школ затруднено поступление в высшие учебные заведения из-за незнания эстонского языка в таком объеме, какой в настоящее время требуют государственные органы.

Автор считает первостепенным вопрос о приеме их в российские высшие учебные заведения, об освобождении их от платы за обучение.

Автор предлагает также расширить сотрудничество с общественными объединениями соотечественников за границей. В настоящий момент ассоциация "Родина" поддерживает целенаправленную, приоритетную связь с Союзом славянских просветительских и благотворительных обществ Эстонии, который объединяет 12 культурных обществ, два театра, хоры, танцевальные, фольклорные коллективы, оркестры, художественные студии.

В статье Г.Я.Тарле указывается на необходимость совершенствования понятийного аппарата и систематизации процессов истории российского зарубежья.

Ошибочным, с ее точки зрения, является отождествление истории российского зарубежья с историей российской эмиграции и даже только с одним (бесспорно значительным и ярким) ее этапом, который принято именовать "первая волна эмиграции". Он датируется 1917- началом 20-х годов.

Понятие "российское зарубежье", полагает Г.Я.Тарле, шире понятия "русская" или "российская" эмиграция. За рамками понятия "эмиграция" остаются достаточно многочисленные группы граждан России, которые по тем или иным причинам временно или постоянно проживают за пределами Отечества. Это - вынуждено оказавшиеся вне своей страны, например, военнопленные, беженцы, интернированные во время войн, граждане, насильственно угнанные во время второй мировой войны с оккупированных территорий СССР в Германию. В определенных условиях часть из них приобрела статус эмигрантов или перемещенных лиц.

Часть коренного населения, проживавшего в западных губерниях и на территории бывшего Великого княжества Финляндского, после выделения их в самостоятельные государства осталась за пределами новых границ России, став гражданами других

государств. Относить их к числу эмигрантов, отмечает автор, также нет оснований.

Говоря о содержании термина "российское зарубежье", автор считает допустимым его распространение не только на сферу общественных отношений, но и на сферу материальной культуры. Художественные ценности, созданные россиянами за границей и оставшиеся навсегда в зарубежных странах, предметы российского искусства, вывезенные или проданные в зарубежные страны, - неотъемлемая часть всей российской культуры.

Подходя к истории российского зарубежья с позиций истории мировых миграционных процессов, пишет автор, можно более объективно оценить многие исторические факты и явления, их масштабы. При таком подходе займет свое место неотъемлемая часть истории российского зарубежья - история возвращения, реэмиграции россиян, а также разные формы взаимоотношений, контактов российского зарубежья с Родиной.

Большинство документов, а также литература отечественная, эмигрантская и зарубежная довольно часто пользуются терминами "русская эмиграция", "русское зарубежье" для характеристики, обозначения всех выходцев из бывшей царской России, из Советской России и СССР. Автор предлагает употреблять термины "российское зарубежье", "российская эмиграция", которые охватывают все этнические группы выходцев из нашей страны. Среди них кроме русских наиболее многочисленными в разное время были и есть украинцы, немцы, армяне, евреи, а также латыши, литовцы, поляки, финны.

Нуждается в уточнении и деление эмиграции на волны. Широко распространенное понятие "первая волна эмиграции", по мнению автора, приемлемо только с оговоркой - первая послереволюционная. Иначе оно "отсекает" ряд важных процессов и явлений, которые происходили до 1917 г.

Хотя массовый исход из России после 1917 г. был действительно кульминационным моментом в истории

эмиграционного процесса, его, как считает автор, не следует абсолютизировать. В конце XIX - начале XX в. уже был этап массовой эмиграции из России. По общей численности уехавших россиян он превзошел упомянутый исход. Это была трудовая или экономическая эмиграция из царской России. Со всей территории царской России в старых ее границах число уехавших достигало 3 млн. человек, и даже с учетом сокращения территории Советской России в 1918 г. все же составило около 1,5 млн. человек (3, с.19). Одновременно в XIX - начале XX в. происходила и политическая эмиграция, которая особенно активизировалась после поражения революции 1905 г.

В своей статье Л.К.Шкаренков касается проблемы переосмысления литературного наследия эмиграции в настоящих условиях, которые не только освободили исследователей от идеологических оков, но и являются как бы новым этапом накопления знаний. История эмиграции, пишет автор, - это не только политическая борьба, она только часть этой истории. История эмиграции - это и русская культура, русская наука за рубежом. 21 лауреат Нобелевской премии - выходцы из России или потомки этих выходцев (3, с.28).

Характеризуя культуру как предмет исследования, автор отмечает, что литераторы оказались впереди, осуществив массу публикаций репринтных изданий. Вместе с тем особенно важным является то, что специалисты всех областей знаний, занимающихся изучением русской культуры и русской науки, признали, что нет культуры русской зарубежной и русской, которая здесь, в России. Есть одна культура, которая имеет различные течения, направления и т.д. Под этим углом зрения и идет их изучение в настоящий момент.

Статья М.Г.Вандалковской посвящена эмигрантской исторической науке, которая, как и все культурное наследие России за рубежом, долгое время оставалась без внимания со стороны отечественных специалистов. В нашей историографии бытовало

мнение, что она не внесла ничего существенного в развитие исторического знания. И тем не менее, замечает автор, творческая мысль интенсивно работала: переосмысливались события революционных лет, крах старых устоев, пережитые трудности. Стремление понять и осмыслить происшедшее стимулировали ее развитие. Вопросы о том, случайным или закономерным была революция в России, каковы были традиции и подготовленность России к ней в экономике, политике, в социальном и общественном развитии, неизбежно заставляли обращаться к истории.

Известный историк А.В.Флоровский писал в одном из своих историографических обзоров, что тяжелые условия жизни и психологическая придавленность не остановили научного поиска историков, что интеллектуальная работа русских эмигрантов "вне власти Советов" была ярким и многообразным проявлением их творчества, а на свою эмигрантскую жизнь многие из них смотрели как на научную командировку (3, с.29).

Созданные в эмиграции научные центры, совпадая с местом расселения эмигрантов, имели в известной мере условный характер, так как многие ученые постоянно пересезжали. Наиболее крупным таким центром являлась Прага. Здесь существовало огромное число разного рода объединений и ассоциаций - Педагогическое бюро, Ассоциация академических учреждений, Комитет помощи русским профессорам, студентам, Комиссия по устройству на работу и т.д.

В Праге были основаны Русский народный (свободный) университет, Русский юридический институт, Русский славяноведческий институт, работало Русское историческое общество, семинар Н.П.Кондакова, а также Общество местного самоуправления, которое использовало разработку подобного опыта в России.

В Народном университете преподавали такие русские ученые, как А.А.Кизеветтер, П.А.Остроухов, Н.С.Тимашев, П.Н.Савицкий, С.В.Завадский, А.В.Флоровский и др., в Русском юридическом институте - П.И.Новгородцев, Н.Н.Алексеев, Е.В.Спекторский,

Н.О.Лосский, П.Б.Струве, Е.Ф.Шмурло и др. Главное внимание в их преподавательской деятельности было направлено на изучение России, ее прошлого и современности.

Примером русско-чешского научного единения стал Русский славяноведческий институт в Праге, целью которого было распространение в Чехословакии знаний о России. Его возглавляли П.И.Новгородцев, А.С.Ломшаков и В.А.Францев. В "Научных трудах" института печатались Е.Ф.Шмурло, А.Н.Фатеев, Б.А.Евреинев, И.И.Лаппо, А.В.Флоровский.

Бесспорное значение для развития науки имела деятельность Русского исторического общества в Праге, которое выпускало "Записки", на страницах которых публиковались статьи по древней, новой и новейшей истории России.

Семинар Н.П.Кондакова сосредоточил свое внимание на рассмотрении древнерусского, византийского и восточного искусств.

Важным научным центром был Белград. В Русском научном институте работали известные ученые - А.Л.Погодин, Е.В.Спекторский, Ф.В.Тарановский, Е.В.Аничков, В.А.Мошин, Г.А.Острогорский. В Институте читались специальные курсы по истории: "Московская Русь, ее государственное и общественное устройство" (А.А.Кизеветтер), "Юго-Западная Русь и ее взаимоотношения с Литвой и Польшей" (И.И.Лаппо), "Экономическая история России - образ государственного и культурного развития" (П.Б.Струве), "Киевская Русь и национальные проблемы этого времени" (А.В.Флоровский) и др.

Культурным и научным центром российского зарубежья стал Берлин, где был создан Русский научный институт, в котором сотрудничали И.А.Ильин, Н.А.Бердяев, Б.П.Вышеславцев, С.Л.Франк, В.А.Мякотин, В.И.Ясинский, С.И.Гессен и др. Здесь насчитывалось около 40 эмигрантских издательств, выходили газеты и журналы.

Особую роль в культурной жизни эмиграции играл Париж, где была сосредоточена преимущественно литературно-художественная

элита. Среди историков наиболее значительной фигурой являлся П.Н.Милуков, который читал лекции в Сорбонне, в Колледже социальных наук, многочисленных собраниях писателей и политических деятелей в Париже. Темами его лекций были: история России, ее государственные и культурные традиции, история интеллигентской мысли, Россия и демократия, Россия и славянство, эмиграция и Россия, белое движение, национальный вопрос и др.

Научная деятельность Софийского научного центра в области исторической науки была связана с личностью П.М.Бицилли.

Автор характеризует также различные течения общественно-политической и исторической мысли эмиграции - евразийство, сменовеховство и др.

В сборнике помещены статьи Г.В.Мелихова "Международная роль культуры "Восточной ветви" русского зарубежья", Б.И.Козлова "Научное зарубежье России: задачи и программа комплексных исследований", В.М.Селунской "Проблема "Российское зарубежье XX века": ее изучение и преподавание на историческом факультете МГУ", Т.Ф.Павловой "Архивы российской эмиграции", Ю.П.Глушаковой "Русские в Италии в первой половине XIX века". В.В.Шлеева "О некоторых малоизвестных вопросах истории культуры российского зарубежья", О.Н.Михайлова "О литературе российского зарубежья".

Начальному этапу послереволюционной эмиграции посвящена работа "Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов", подготовленная РГГУ в виде учебного пособия (4). В ней рассматриваются численность, демографический и социальный состав эмигрантов в Турции и на Балканах в 20-е годы, деятельность российских и международных правительственных и общественных организаций по оказанию им помощи, действия главного командования русской армии по сохранению и реорганизации вооруженных сил и отношения, возникшие на этой почве с державами Антанты, материальное

положение военнoслужаших и гражданских лиц, их психологическое состояние и политические настроения, процесс расселения из Турции в Болгарию, Югославию и другие страны Европы, создание в эмиграции русских учебных заведений и, наконец, возвращение части беженцев на родину.

Вопрос о численности и составе российских беженцев в Константинополе в 1920-1922 гг., как отмечают авторы, является наиболее сложным, ввиду неполноты данных источников. В декабре 1920 г. мировую и русскую эмигрантскую печать обошли сообщения о первой попытке подсчета численности эмигрантов из России, предпринятой американским Красным Крестом на основании сообщений государственных и общественных организаций. По этим данным, на 1 ноября 1920 г. число бывших российских граждан определялось в 1 млн. 194 тыс. человек. 130 тыс. военных и гражданских беженцев врангелевской "волны" довели эту цифру до 2 млн. 92 тыс. человек (4, с.12).

Количество российских эмигрантов в Константинополе и прилегающих к нему районах постоянно менялось в связи с приездом одних и отъездом других беженцев. Наиболее детализированным документом по численности и размещению войск и беженцев крымской эвакуации, считают авторы, является статистическая таблица земсоюза, содержащая сведения, полученные от двух независимых источников: французского и русского военного командования. По данным последнего, на 5 апреля 1921 г. общее количество войск и беженцев только одной волны эвакуации из Крыма составило 120 388 человек (4, с.14).

Жизнь беженцев в Турции характеризовалась тяжелым материальным положением. Повседневностью быта стали продажа личного имущества, поиск, зачастую безуспешный, работы, денег, пропитания и жилья. К этому вскоре добавилась угроза массовых эпидемий.

В то время как часть беженцев занялась торговлей и комиссионерством, менее предприимчивым беженцам (а таких было

большинство) приходилось вести практически нищенское существование. Ежедневный паек, выделяемый союзным командованием, был крайне скуден. Положение усугублял жилищный кризис, когда многим приходилось ночевать прямо на улице из-за непосильных цен на жилье. Частично спасала положение ночлежка, устроенная в бывших турецких казармах Мак-Магон. Ситуация в беженских и военных лагерях была еще более удручающей.

В этой ситуации, отмечается в книге, особое значение приобретала способность российской эмиграции к самоорганизации, к созданию действенной структуры для решения всего комплекса проблем, связанных с жизнеобеспечением. Такой структурой стал Центральный объединенный комитет Российского общества Красного Креста, Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. Он субсидировался державами Антанты и фактически превратился в своего рода министерство по гражданским делам, в то время как штаб главнокомандующего русской армией П.Н.Врангеля и функционировавшие при нем учреждения занимались вопросами обеспечения и размещения войск. Через Центральный объединенный комитет шло снабжение российских беженцев продуктами питания и предметами первой необходимости, им были организованы и содержались два госпиталя, приемные покои, амбулатории, инвалидный дом и общежития в различных районах города и беженских лагерях. Была создана целая система учреждений по реабилитации и устройству чинов белых армий, получивших увечья.

Касаясь процесса расселения из Турции в другие страны, авторы отмечают, что после обращения весной 1921 г. генерала П.Н.Врангеля к болгарскому и югославскому правительствам с запросом о возможности размещения русской армии на территории этих государств, вопрос был решен положительно. Югославия дала согласие принять часть армии, а именно кавалерийскую дивизию Барбовича, кубанцев и часть донцов для несения пограничной

службы и на государственные работы. Переселяемым частям было обещано содержание за счет казны, включавшее в себя паек и небольшое жалование. Болгария принимала все части 1-го корпуса со штабом, военные училища и часть донцов. По условиям расселения части сохраняли свою организацию, но лишались оружия и находились на самообеспечении.

К середине 1921 г. в Балканских государствах уже существовала определенная структура общественных организаций. В Белграде с 1921 г. размещалось представительство Всероссийского союза городов, а с 1917 г. вела деятельность "Делегация, ведающая интересами русской эмиграции в Югославии". В Болгарии работали уполномоченный Всероссийского союза городов, представительство земсоюза и "Общество единения русских в Болгарии".

Непосредственно перед началом процесса расселения, в мае 1921 г., Врангелем был издан приказ, по которому те, кто в силу своего слабого здоровья или по каким бы то ни было другим причинам, чувствует себя не в состоянии больше оставаться в рядах армии, должны были в трехдневный срок заявить об этом по команде. После издания приказа, около 20% всего состава армии покинули ее ряды и перешли таким образом, на беженское положение, попадая, тем самым в сферу деятельности общественных организаций.

Раскрывая деятельность последних, авторы указывают, что уже в июне 1921 г. Центральным объединенным комитетом утверждается "Временное положение о Русском комитете по делам беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев", целью которого было рассмотрение вопросов, касающихся помощи беженцам и объединения деятельности правительственных и общественных организаций, обслуживающих беженские нужды в Югославии. В состав Комитета входили представители Российского общества Красного Креста, Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов, а также представители других организаций, привлекаемых Комитетом к работе. Кроме того, на правах

постоянных членов участвовали в работе представитель Российской миссии и российский военный агент в Королевстве с правом решающего голоса.

Помощь русским эмигрантам в Болгарии оказывалась в значительной степени на средства Франко-Болгарского благотворительного общества, осуществлявшего свою деятельность при посредничестве представительства Российского общества Красного Креста в Болгарии. Другим источником финансовой помощи являлся Комитет по делам беженцев.

С самого начала политика общественных организаций была направлена на постепенный отход от благотворительной деятельности в форме бесплатных обедов и лечения и переход к оказанию трудовой помощи и развитию предпринимательства. Русские эмигранты начали создавать в странах своего пребывания разного рода доходные предприятия - артели, коммерческие союзы, магазины, совместные производства.

Трудовую помощь беженцам на начальном этапе оказывало Бюро труда, созданное в Болгарии еще до организации представительства земсоюза, однако в начале 1920 г. эти функции окончательно переходят к последним.

Деятельность русских общественных организаций по оказанию помощи русским беженцам так или иначе во многом зависела от иностранных и международных государственных и общественных структур, оказывавших материальную поддержку или напрямую финансирующих эмигрантские организации.

В феврале 1921 г. Международный комитет Красного Креста предложил Совету Лиги наций назначить комиссара по делам русских беженцев. Им стал Фритьоф Нансен. По предложению последнего, для эмигрантов были введены удостоверения личности, так называемый нансеновский паспорт. К 1923 г. проект введения таких паспортов был одобрен 31 государством, однако наличие паспорта не освобождало их владельцев от многих трудностей, в частности при переезде из одной страны в другую. Созданная

Нансеном организация занималась главным образом вопросами трудоустройства и размещением эмигрантов. По официальным данным, указывается в книге, 25 тыс. беженцев получили работу в Америке, Австрии, Бельгии, Германии, Венгрии и Чехословакии.

Рассматривая отношения с Францией, авторы отмечают, что снабжение русских беженцев питанием и минимумом предметов первой необходимости на первом этапе взяли на себя французские оккупационные власти. Однако после того как французское правительство осознало, что надежда использовать Русскую армию для интервенции в Советскую Россию становится все более призрачной, финансирование эмиграции уже в 1921 г. резко сократилось.

С момента прибытия в Турцию эвакуировавшихся частей армии П.Н.Врангеля французское командование также предприняло решительные шаги для превращения военной организации русских в гражданскую и по скорейшему расселению беженцев. Большую роль здесь играло желание как можно скорее прекратить снабжение и питание последних и снять с себя ответственность перед лицом всего мира за судьбу русских эмигрантов.

Еще в конце 1920 г. и в начале 1921 г. французы сделали несколько предложений русскому командованию об отправке значительной части врангелевцев, желающих заняться мирным трудом, в Бразилию, Аргентину, Катарро, Бургас и в ряд других мест. В этом и в других предложениях русское командование не без основания увидело желание Франции во что бы то ни стало распылить армию, чему оказало решительное противодействие.

Особое место в истории русской эмиграции, отмечается в книге, занимает вопрос о репатриации. Дискуссия на эту тему, казавшаяся невозможной еще в ноябре 1920 г., весной 1921 г. принимает все более широкий размах. Характерно двойное отношение самого П.Н.Врангеля к репатриации. С одной стороны, официальное одобрение главкомом возвращения на родину внесло бы полную дезорганизацию в армейскую среду, и без того

разлагаемую самим пребыванием в лагерях, что, в свою очередь, повлекло бы за собой прекращение финансирования и окончательное распыление эмиграции. С другой стороны, постепенное избавление от наименее стойкого "элемента", а заодно, и сокращение расходов на содержание армии заставляло П.Н.Врангеля смотреть сквозь пальцы на участвовавшие случаи стихийной репатриации.

Процесс репатриации продолжается и после расселения основной части русской армии и беженцев по Балканским государствам, принимая новые организационные формы. В июне 1922 г. в Болгарии был учрежден Союз возвращения на родину, в который вошли офицеры и солдаты 10-го корпуса, части Донского корпуса и военных училищ при участии Российского общества Красного Креста. Союз ставил своей целью получение сведений о жизни Советской России и помощь в возвращении желающих на родину.

На процесс репатриации из Югославии наложило отпечаток пребывание здесь П.Н.Врангеля со штабом и доминирование в связи с. этим русских монархических кругов над всеми прочими политическими течениями.

Что касается политических настроений русской эмиграции, то они, как указывается в книге, представляли собой достаточно широкий спектр течений и пристрастий, практически полностью воспроизводивший картину политической жизни дооктябрьской России. Его особенностью является то, что к концу 1921 г. все большая часть наименее обеспеченных беженцев и рядовых солдат начинают переходить на позиции большевизма, который, однако, не имел ничего общего с большевизмом реальным, победившим в России. Он основывался главным образом на ностальгии, идеализировавшей происходящее на родине.

Другой характерной чертой политической ситуации среди беженцев было усиление монархических тенденций, объяснявшихся, прежде всего, желанием рядовых беженцев сплотиться вокруг "вождя", который мог бы защищать их интересы в изгнании, и в

будущем обеспечить возвращение на родину. В первой половине 1921 г. такие тенденции, естественно, связывались с личностью П.Н.Врангеля.

В отдельной главе рассматривается комплекс специфических проблем, связанных с пребыванием русской армии в изгнании, в частности - дискуссии о периодизации российской военной эмиграции. Наиболее спорным является вопрос о начальной дате военной эмиграции. Первая волна военнослужащих, указывается в книге, появляется за границей уже в 1918-1919 гг.. Это в основном бывшие офицеры Российской императорской армии, не принимавшие, или принимавшие кратковременное участие в гражданской войне 1917-1922 гг., а также военные чиновники и их семьи. Уже в это время создаются первые беженские лагеря. Однако на данном этапе еще продолжает существовать российская власть - правительство Юга России. А бежавшие за пределы России лица представляют из себя именно беженскую массу, и только в ноябре 1920 г., когда из Крыма вышла целая эскадра русских кораблей с главнокомандующим, армией, сотней тысяч беженцев, когда весь "государственный аппарат" оказался в изгнании, простое "беженство" приобрело совершенно новый характер. Теперь в эмиграции нашлись все элементы бестерриториальной русской государственности.

В книге раскрывается также борьба русского военного командования с политическими лидерами эмиграции за сохранение армии после ее эвакуации из пределов России. "Совещание послов" стремилось свести сферу компетенции военного командования к заботе о материальных нуждах военнослужащих, не допуская участия армии в политической борьбе.

Особую сложность, как указывают авторы, представлял вопрос о сохранении оружия за частями русской армии в изгнании. Администрация тех районов, в которых была размещена русская армия, и командование союзников настаивали на разоружении. Командование русской армии, напротив, стремилось ни в коем случае не допустить разоружения, поскольку осознавало, что это

поставило бы войска в положение беженцев с угрозой их последующего интернирования, как это произошло в Эстонии с частями северо-западной армии генерала Юденича, а также ликвидировало бы армию как относительно самостоятельную боевую единицу, способную оказывать влияние на политическую ситуацию в районе дислокации, а в перспективе - и на развитие событий в мировой политике.

Вскоре после размещения частей русской армии в странах зарубежья, отмечается в книге, не менее остро встал вопрос о принятии иностранного подданства российскими военнослужащими, что угрожало разрушением армии как целостного организма. Однако необходимость трудоустройства, найма жилья, воспитания детей требовала принятия иностранного подданства. В этих условиях главное командование русской армии было вынуждено пойти на уступки. В то же время покинувшие армию офицеры стремились к созданию различных военных обществ и союзов, которое началось уже в 1921 г. в Константинополе и достигло своего апогея в 1923 г. в Сербии и Болгарии.

Образование военных союзов в своем развитии прошло несколько этапов. Первоначально в странах дислокации возникали территориальные общества и союзы, сформированные по признаку местожительства в данных странах, в дальнейшем по мере их увеличения начинает развиваться процесс дифференциации и выделяются общества, имеющие в основе своей организации признаки воинской специализации своих членов.

Условия существования частей русской армии в Турции и на Балканах не могли обеспечить сохранения армейской военной организации. К 1924 г. армия фактически трансформировалась в конгломерат различных военных обществ и союзов, штабы остались без войск. В этой ситуации П.Н.Врангель и его окружение, дабы сохранить политический вес армии в русском зарубежье, пошли начиная с 1924 г. путем создания Русского общевойскового союза как центра объединения всех военных обществ и союзов в эмиграции.

Отдельная глава данной книги посвящена формированию системы русского образования за рубежом, а также деятельности российской интеллигенции по организации начальной, средней и высшей школы.

Какаясь условий, определивших развитие русского образования эмиграции, авторы отмечают, что правительства многих государств, где оказались русские беженцы, проявили к ним доброжелательность, человеческое сочувствие, солидарность. Помимо выражения этих чувств имела место и практическая заинтересованность. Среди русских эмигрантов было немало представителей научной и технической интеллигенции. Русские университеты и высшие технические учебные заведения считались до революции одними из лучших в мире, и приток университетских преподавателей, ученых, инженеров сыграл заметную роль в оживлении научной и культурной жизни ряда европейских стран.

Огромное значение в деле постановки русского образования за границей имели такие эмигрантские организации, как Объединение российских земских и городских деятелей, Всероссийский союз городов, Комитет русских эмигрантов, Объединение русских учительских организаций, Педагогические бюро по делам средней и низшей школы, Союз русских педагогов средней и высшей школы в Чехословацкой Республике, Союз русских академических организаций, Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (так называемый "Федоровский комитет" в Париже) и др.

Особенно подробно в работе освещается развитие высшего образования русской молодежи в Чехословакии, что объясняется постановкой проблемы в стране, правительство которой создало наиболее благоприятные условия для образования молодого поколения выходцев из России.

Когда группа русских профессоров, поддержанная российской эмиграцией, подняла перед общественными и правительственными кругами Чехословакии вопрос об оказании помощи русскому

студенчеству, разбросанному по всему миру, эта идея нашла живейший отклик. Летом 1921 г. в Чехословакии был создан Комитет помощи русским студентам. Правительство Чехословакии сначала выделило средства на содержание студентов, проживающих на территории страны, а с конца 1921 г. разрешило принимать русских студентов из других государств. Представители русских академических кругов отправились в разные страны с целью выявления студентов и оказания им помощи в продолжении образования.

В книге характеризуются русские высшие учебные заведения в Чехословакии, деятельность выдающихся русских педагогов. Живя первое время иллюзией на скорое возвращение, стремясь сохранить и умножить русскую культуру, эмигранты создавали учебные заведения по образу и подобию русских дореволюционных школ, стремясь тем самым подготовить молодежь к будущему служению России. Однако жизнь вскоре развеяла надежды. Первоочередной задачей нового поколения учащейся молодежи стала проблемаживания в новые условия, без иллюзий на возвращение. В этой связи русская школа стала менять свой характер и направленность, приобретая рационалистический тип, готовя специалистов для тех стран, куда судьба забросила выходцев из России. Многие учебные заведения стали закрываться или превращаться в научно-исследовательские центры. Первоначально щедрая помощь правительств ряда стран стала иссякать. Главным источником финансирования становилась собственная коммерческая деятельность.

Институтом Латинской Америки подготовлен сборник статей "Русское зарубежье в Латинской Америке" (5), который раскрывает более чем столетнюю историю русскоязычных поселений в таких странах, как Бразилия, Аргентина, Парагвай, Уругвай, Боливия, Чили. В массовом движении русской эмиграции в эти страны авторы книги выделяют несколько потоков: трудовая эмиграция - начиная с 70-х годов XX в., белоэмиграция - с сер. 20-х до начала

второй мировой войны, крестьянская, продолжавшаяся на протяжении межвоенного периода, в основном из принадлежащих Польше западных областей Украины и Белоруссии и, наконец, перемещенные лица или дипи - после второй мировой войны.

Авторы указывают на достаточную условность употребляемых в сборнике понятий русская или российская эмиграция, так как эти понятия помимо русских включают в себя всех выходцев из России - украинцев, белорусов, евреев, немцев, поляков.

К настоящему моменту, согласно данным, приведенным в книге, общее количество наших соотечественников в Латинской Америке оставляет более 1 млн. человек (5, с.3) По приблизительным подсчетам, в начале 90-х годов в Бразилии проживало 60 тыс., Аргентине - 50 тыс., в Парагвае - 10 тыс. (5, с.5).

Статья Т.Л.Владимирской посвящена сравнительному исследованию русских диаспор в двух латиноамериканских странах - Аргентине и Парагвае. Массовое движение из России в Аргентину, отмечает автор, приходится на 90-е годы XX в. и усиливается в период с 1900 по 1913 г., когда 50% всех переселенцев на берега Ла-Платы были представители русского крестьянства, в особенности после неурожайного для России 1911 г. В результате русская колония в этой стране составила к 1913 г. 120 тыс. человек, заняв третье место после итальянской и испанской (5, с.9). В состав переселенцев из России вошли кроме русских поляки, евреи, украинцы, белорусы, а также немцы с Поволжья. Примечательно, что последние даже после 30 лет пребывания в Аргентине продолжали именовать себя "русскими" и помогали всем новым колонистам - выходцам из России обживаться в новых условиях.

Русские в Аргентине и Парагвае внесли свой вклад в экономику и культуру этих стран. Они возделали новые земли, освоили здесь культуры льна, ячменя, гречихи. Вместе с поселенцами в Аргентину был завезен сорт пшеницы, который получил здесь распространение под названием "русского". Выходцами из России были созданы коннозаводческие предприятия, поставлявшие

лошадей для городов. В Парагвае инженерный факультет университета Асуньона был основан русскими, с именами которых связано развитие транспорта и электрификация страны.

В этих странах, как и в других частях света, россияне были вынуждены опираться на собственные силы в отличие от выходцев из других стран, которым помогала экс-родина. В Аргентине были созданы и сегодня действуют около десяти клубов - им.Маяковского, Островского, "Диипро", им. Пушкина, Белинского - объединения тех, кто считает себя россиянами. По-иному сложилась жизнь русских в Парагвае. Единственным местом в столице, где они могли собираться до последнего времени, была православная церковь, да еще кладбище в Асуньоне. Эти различия, как отмечает автор, отчасти обусловлены политической ситуацией, сложившейся в Парагвае, но главное все-таки заключается в ином характере парагвайской русской диаспоры. Если в Аргентине тон задавала трудовая эмиграция, то в Парагвае - политическая (5, с.11). С первых своих шагов в Парагвае русская община была втянута в разобившую ее борьбу между лидерами эмиграции за влияние в этих колониях.

Трудовая эмиграция в Аргентине отличалась большим единством. После бесперспективной борьбы с неустроенностью, тяжелым климатом сюда позднее переселилась и та часть трудовой эмиграции, которая нашла первоначально пристанище в Парагвае. В результате в Аргентине сформировалась сплоченная российская диаспора. В поисках лучшей жизни выходцы из России постепенно перебирались из провинции в столицу, стараясь селиться рядом. В столичных пригородах Буэнос-Айреса появились сначала островки русских поселений, а затем и целые районы, куда продолжали вливаться переселенцы из сельских районов страны.

Анализируя феномен трудовой эмиграции на примере Парагвая и Аргентины, автор указывает на условность этого термина, подразумевающего переселенцев, для которых поиск средств к существованию был основным мотивом эмиграции. В эту категорию попадают выходцы из царской России, а позднее - из

Западной Украины, Бессарабии, Прибалтики и других областей, в момент эмиграции не относящихся к СССР.

В отличие от трудовой, политическая эмиграция (под ней подразумевается в основном "белая") охватывает людей, покинувших Россию в связи с невозможностью принять идеологию большевистского государства. "Красная" эмиграция была здесь крайне незначительна и составляла особую группу. Это - революционно настроенные россияне, например матросы с броненосца "Потемкин", а также бежавшие с каторги политзаключенные, покинувшие Россию до революции.

Политическую эмиграцию в Латинской Америке характеризует и другое. Если трудовая эмиграция, как правило, шла по прямому маршруту: Россия - Латинская Америка, то члены сообщества политических эмигрантов прибывали сюда после проживания, а порой и скитаний в других странах - Турции, Чехословакии, Франции.

Общей для стран Латинской Америки чертой российской диаспоры является то, что социальное расслоение, имевшееся на родине, было перенесено и в иммиграцию - монархисты, белые офицеры, высокопоставленные чиновники, дворяне, купцы, представители высших слоев интеллигенции не смешивались и не сближались со своими земляками рабочими и крестьянами.

Раскрывая особенности парагвайской диаспоры, автор отмечает, что важную роль в ее формировании сыграл русский артиллерист, генерал Иван Тимофеевич Беляев. Именно ему принадлежит идея создания в этой стране "крепкого русского очага".

Вкладу генерала Беляева в становление русской колонии в Парагвае посвящена статья Б.Ф.Мартынова, охватывающая хронологический период 1924-1945 гг. Имя генерала Беляева долгое время замалчивалось в нашей стране в связи с его участием в белой армии, а затем в эмигрантском движении. Однако личность эта заслуживает того, чтобы о ней было сказано подробнее. Свообразие

его взглядов заключается в том, что он отвергал как попытки некоторых лидеров эмигрантского движения свергнуть насильственным путем советскую власть, опираясь на иностранную помощь, так и "преследование мелких целей" - личное обустройство, накопление материальных благ. Идеей Беляева было создание гомогенного очага людей "русской" национальности, предпочтительно вдали от центров мировой цивилизации. Устраненность такой колонии от житейских сует и даже ее некоторая принципиальная аполитичность должны были бы, по мысли Ивана Тимофеевича, сполна компенсироваться духовным самоусовершенствованием ее членов, культивированием в колонии "исконно русских" ценностей, среди которых Беляев выделял, в первую очередь, православие, монархическое чувство и готовность к самопожертвованию, всестороннее развитие основ русской национальной культуры (5, с.18-19).

Прибыв в Аргентину в 1923 г, он обнаружил, что многие колонии переселенцев, формировавшиеся с начала XIX в., жили собственными интересами и прохладно отнеслись к его идеям. Убедившись в невозможности реализовать свои планы в Аргентине, Беляев в 1924 г. переезжает в Парагвай, который привлекает его своей "провинциальностью", огромными площадями неосвоенных земель, дешевой жизнью, а также благоприятным отношением парагвайского правительства к массовому переезду сюда русских. В том же 1924 г. он получает устное согласие президента Э.Айялы на создание в Парагвае "русского культурного ядра". Русская эмиграция была как нельзя кстати для Парагвая, который начинал тогда восстанавливать расшатанную экономику. Ему было поручено организовать приезд в страну инженеров, путейцев, конструкторов, геодезистов, которые стали базой для последующей массовой эмиграции русских.

В годы Чакской войны (1932-1935) русская колония в Парагвае пополнилась военными специалистами, приехавшими из разных стран по призыву И.Т.Беляева. В войне между Парагваем и Боливией

приняли участие от 62 до 90 бывших русских офицеров-добровольцев (5, с.20). Современники отмечали прекрасное отношение к ним со стороны командования Парагвая. Эти россияне, как замечает автор, в отличие от германских и чилийских наемников в боливийской армии, бескорыстно сражались за независимость страны, которая стала для них второй родиной. Сам Иван Тимофеевич, получивший чин генерала парагвайской армии, служил в годы войны в генеральном штабе, занимаясь подготовкой и планированием военных операций.

Участие выходцев из России в военных действиях на стороне Парагвая способствовало тому, что после победы последней над Боливией перед ними открылись перспективы. Еще в 1933 г. Беляев получил от министра иностранных дел все необходимые полномочия для организации массового приезда русских в Парагвай. В том же году парагвайскому парламенту И.Т.Беляевым был представлен разработанный им самим проект Закона о правах и привилегиях русских иммигрантов.

В Париже в это время уже активно действовал созданный с помощью И.Т.Беляева, его брата Николая и парагвайского консула Х.Лапьера Комитет по содействию русской иммиграции в Парагвае под председательством донского атамана А.П.Богаевского. Раз в два месяца выходила на русском языке газета "Парагуай" с информацией о стране и конкретными рекомендациями эмигрантам.

К осени 1934 г. в Парагвай было отправлено пять групп переселенцев, в результате чего к 1935 г. русских эмигрантов в Парагвае насчитывалось от 900 до 1200 человек (5, с.22).

Однако дальнейшее переселение сюда и перспективы создания здесь "Русского очага" встретили определенные препятствия. В 1936 г. полковник Р.Франко, пользуясь тяжелым внутривосточным положением, сверг демократическое правительство Э.Айялы, благожелательно относившегося к Беляеву и его идеям. Многие выходцы из России не получили обещанного и вынуждены были переселиться в другие страны - Аргентину, Бразилию и Уругвай. На

И.Т.Беляева обрушились нападки и со стороны самой эмиграции. Причина враждебной кампании, поднятой против него, заключалась прежде всего в оригинальности самой идеи "новой эмиграции". Встав во главе нового направления, считает автор, Беляев вполне мог бы пошатнуть позиции эмигрантской верхушки, как европейской, так и американской. Автор обращает внимание на еще одну сторону деятельности Беляева, проведенного остаток долгой (82 года) жизни в борьбе за права индейцев в Парагвае.

Оценивая положение русской колонии в Парагвае в целом, автор замечает, что высокий престиж, которым пользовались русские офицеры, позволил им, несмотря на неблагоприятную в целом послевоенную конъюнктуру в стране, устроиться на вполне приличные места в армии, в университете, на производстве и сделать таким образом достаточно быструю карьеру. По замечанию такого не слишком благожелательно настроенного к Беляеву свидетеля, каким являлся М.Д.Каратесев (автор ряда книг о русской эмиграции в Латинской Америке), в немалой степени жизненному обустройству здесь бывших колонистов способствовал сам Беляев, пользовавшийся значительным авторитетом в стране. Таким образом, небольшая русская колония в Парагвае предстает в наше время гораздо более "благополучной", чем такие же колонии в других латиноамериканских странах.

Малоизвестные факты о жизни русских в Чили приводятся в статье Д.В.Белова. Даже в лучших демографических справочниках мира, посвященных Чили, не найти упоминания о русских. Автор рассказывает о судьбах незаурядных людей, выходцев из России, проживающих в Чили.

В сборник включены также другие работы. В статье Э.В.Соловьева показана роль ассоциации "Родина" в развитии разнообразных контактов с различными организациями наших соотечественников в Аргентине. В статье С.В.Тагора поднимаются некоторые проблемы современной эмиграции из бывших республик СССР в латиноамериканские страны. Т.Л.Владимирская и

С.Н.Владимирский делится впечатлениями от встреч с представителями русской диаспоры, полученными во время гастролей по Латинской Америке ансамбля "Гренада", созданного при Институте Латинской Америки АН СССР.

В приложении к сборнику помещены материалы, характеризующие деятельность скульптора Эрзя в Аргентине, положение выпускников кадетского корпуса в Венесуэле, жизнь российских эмигрантов в Бразилии.

Итогом нескольких поездок автора по Соединенным Штатам явилась книга Г.Литвиновой "Русские американцы" (2), вышедшая посмертно. Написанная в публицистическом ключе, она тем не менее содержит немало наблюдений, интересных для исследователей. В ней характеризуются материальный статус, национальное самосознание, идеалы и настроения выходцев из России и их потомков в Америке.

Автор описывает свои встречи с известными в русском зарубежье людьми - Еленой Петровной Мейенторф - дочерью Врангеля, великой княжной Верой Константиновной, И.Л.Новосильцевым, по материнской линии происходящим из рода Гончаровых, к которому принадлежала и супруга великого поэта А.С.Пушкина, отцом Митрофаном Зноско-Боровским из Нью-Йорка, настоятелем храма Сергия Радонежского в Кливленде - белоэмигрантом Петром Бурлаковым, представителями семьи Родзянко, Владимиром Викторовичем Гранитовым, возглавлявшим Союз чинов русского корпуса в Сан-Франциско. Она рассказывает о своем посещении толстовской фермы, созданной Толстовским благотворительным фондом, где доживают свой век глубокие старики, в числе которых автор встретила и Ольгу Спесивцеву - великую русскую балерину, танцевавшую в свое время с С.Лифарем и В.Нежинским в труппе С.Дягилева. Автор делится впечатлениями от знакомства с организацией русских скаутов, посещения русской гимназии, а также русских музеев, издательств в различных районах страны. Автор останавливается на характеристике одной из русских

общественных организаций, действующих в США - Конгрессе русских американцев, которая издает свой журнал того же названия и газету "Русская жизнь".

Подчеркивая особую роль православия в русском зарубежье как средства объединения российского сообщества, автор задерживает внимание на таких центрах, как Джорданвильский монастырь, собор Пресвятой Богородицы в Сан-Франциско, а также Ново-Дивеевский женский монастырь близ Нью-Йорка, заложенный в 1952 г., где хранятся святыни, вывезенные из России после революции генералом Врангелем. Этот монастырь имеет большое православное кладбище с часовней в память воинов, погибших в годы второй мировой войны.

Ряд публикаций, посвященных российской эмиграции, выпустил Российский институт культурологии. В книге Э.А.Шулеповой "Русский некрополь под Парижем" (7) рассказывается о малоизвестных широкому читателю памятниках - захоронениях деятелей русской культуры под Парижем на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Особое внимание автор уделяет тем из них, которые принадлежат людям, составившим цвет отечественной культуры, - А. Галичу, З.Гиппиус, Б.Зайцеву, И.Бунину, Н.Евреинову, Г.Иванову, Н.Кедрову, М.Кшесинской, К.Коровину, С.Лифарю, С.Маковскому, Д.Мережковскому, В.Некрасову, Б.Поплавскому, О.Преображенскому, А.Ремизову, З.Серебряковой, П.Струве, Н.Сомову, А.Тарковскому, Н.Тэффи, С.Шаршуну и многим другим.

Российское зарубежье, пишет автор, сформировавшееся в результате послеоктябрьской эмиграции, превзошло все бывшие до него диаспоры как по численности, так и по культурному значению. Между 1920 и 1925 гг., согласно приведенным в книге данным, Россию покинуло более 1 млн. соотечественников (7, с.4). В значительной степени этот поток русских переселенцев стал эмиграцией интеллигенции.

Многие представители науки, литературы - и искусства покинули Россию после революции в силу невозможности

примирить свои общественные убеждения с новым большевистским режимом. К ним добавились те, которые были насильственно высланы из страны в 1922 г. по решению советского правительства. Среди последних были такие выдающиеся русские ученые, как Н.Бердяев, С.Франк, С.Булгаков, получившие всемирную известность на Западе.

Русскую эмиграцию, рассеявшуюся по многим странам, отмечает автор, объединяла общая культура, которую они сохраняли, развивали, пропагандировали. Идеиная борьба, научные изыскания, вся жизнь русской эмиграции проходили под лозунгом "Во имя России". России и русской культуре были посвящены циклы лекций во всех русских учебных заведениях за границей, а также на различного рода курсах. Еще до открытия православного Богословского института на русском отделении в Сорбонне А.В.Карташев читал лекции по истории русской церкви. На высших военных курсах в Париже, основанных генералом Е.К.Миллером, читались лекции о русском военном искусстве. Академик П.Б.Струве увлекал своих слушателей лекциями на тему: "Русская наука в истории русской культуры" и т.д.

Большая часть культурной части эмиграции нашла убежище во Франции, ставшей наряду с Германией, Чехословакией и другими странами, крупнейшим центром российской эмиграции. По данным официальной статистики, только в Париже в 1937 г. проживало 33 тыс. русских, имевших французское подданство (7, с.6).

Консолидирующим, воспитательным, социальным центром для выходцев из России здесь, как и в других странах, являлся русский церковный приход. В Париже он собирался в построенном в 1859-1861 гг. на народные деньги россиян Кафедральном соборе Св.Александра Невского на рю-Дарю. Характеризуя этот памятник, автор пишет, что в соборе у двухъярусного иконостаса можно видеть полковые иконы белой гвардии, боевые награды, копию короны, в которой короновался Николай II, различные символы власти царской России, лики представителей канонизированной царской

семьи. С 1922 г. при соборе располагалось Епархиальное управление, где размещалась резиденция митрополита, происходили все значительные события в жизни православных.

На чужбине, отмечает автор, церковному приходу принадлежала роль, подобная той, которую сыграл русский монастырь в создании Московского государства. Он - сосредоточение духовной связи с Родиной, ставший для русских эмигрантов не только церковным, но и социальным центром. Это отчасти объясняет наш интерес к деятельности зарубежных русских ученых-богословов, архиереев и других священнослужителей. Они морально поддерживали, помогали выжить в борьбе с засасывающей в обывательскую трясику повседневностью жизни. Эмигранты, особенно молодежь, тянулись к ученым-богословам, к русской философии, которая в отличие от западной была более политизированной и в то же время стояла ближе к реальной жизни.

В Париже действовали различные школы, курсы, русские гимназии, кадетский корпус, консерватория, институты и т.п. В них подрастающее поколение воспитывалось на основе моральных и духовных устоев русской культуры. Только парижская русская гимназия, принадлежавшая Обществу помощи детям русских эмигрантов и начавшая свою деятельность уже осенью 1920 г., до своего закрытия в 1961 г. выпустила около 1000 юношей и девушек. Под руководством русского педагога-математика Бориса Андреевича Дурова это учебное заведение стало просветительским центром русской культуры (7, с.7).

В духе русской культуры воспитывалась молодежь, входящая в организацию "Витязи", созданную и руководимую Николаем Федоровичем Федоровым. Много внимания здесь уделялось изучению русской истории, культуры, православия. После окончания второй мировой войны деятельность этой молодежной организации была распространена на многие страны мира.

Для русских в Париже были основаны и успешно функционировали восемь высших учебных заведений. Среди них -

Франко-русский политехнический институт, Высший технический институт, Русский православный богословский институт, Русская консерватория им.С.Рахманинова (ее возглавлял Николай Николаевич Черепнин), русские отделения при Парижском университете, первое из которых было открыто еще в 1921 г. Эти высшие учебные заведения обучали молодое поколение русских эмигрантов, живших во многих странах Европы, а также представителей других национальностей. Так, к примеру, учениками консерватории им. С.Рахманинова были не только русские, но и французы. При ней работала балетная студия, которой успешно руководил Сергей Михайлович Лифарь, член-корреспондент Французской академии изящных искусств, председатель Общества охранения русских культурных ценностей. Благодаря деятельности С.М.Лифаря русский балет оказал огромное влияние на западное балетное искусство, характер его танца. Это влияние специалисты сравнивали с подлинной культурной революцией в этом виде искусства. Современный французский балет многим обязан балетным студиям, которые в Париже после революции открыли прославленные русские балерины М.Кшесинская и О.Преображенская. В 1955 г. в Сорбонне при непосредственном участии С.М.Лифаря была создана и многие годы функционировала кафедра хореографии.

Русские эмигранты довоенного периода, пишет автор, создали в Париже самый большой и богатый в культурном плане центр русского рассеяния, в котором особое место занимали представители литературы. Популярна и любима в эмигрантской среде была "Зеленая лампа" - литературно-философское общество, созданное З.Гиппиус и Д.Мережковским. Из старшего поколения всегдашними общества были А.Керенский, И.Бунин, М.Алданов, М.Цетлин. Здесь М.Цветаева прочла доклад "Поэт и время". В устном литературном журнале "Кочевье" слушались доклады по теме: "Западничество и востоковедение в русской литературе". Через

несколько дней после смерти В.Маяковского, 24 апреля 1930 г., "Кочевье" провело беседу о творчестве советского поэта.

Так или иначе, делает вывод автор, эмигранты - эти вынужденные или добровольные переселенцы из своего отечества в другие страны - везде оставили материальные и духовные следы своего пребывания, что особенно отчетливо прослеживается во Франции. Многочисленные захоронения на Западе, в частности во Франции на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, - это памятники истории и культуры, часть нашего наследия. Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа возникло в 1927 г. возле дома-убежища ("Русский дом") для престарелых эмигрантов, созданного княгиней Верой Кирилловной Мещерской.

В реферируемой публикации автор подробно описывает захоронения представителей русской культуры на французской земле, систематизируя памятники в определенном порядке и снабжая их комментариями, позволяющими получить необходимые сведения об основных этапах творческого пути и последнем пристанище наших соотечественников. Статьи сопровождаются фотографиями всех упомянутых в книге надгробий. Выбор объектов, отраженных в публикации, опирался на определенные критерии. Прежде всего в ней представлены надгробия корифеев отечественной культуры. Кроме того, автор стремился в представленном читателю перечне памятников показать круг деятелей российской культуры различных поколений и периодов эмиграции, включая и тех, кто родился во Франции. Сделана также попытка представить места захоронений наиболее известных деятелей православной церкви за рубежом, несших пастве нравственную культуру, любовь к Родине и ее истории.

При подготовке рассматриваемой работы кроме доступных материалов в России были использованы картотеки и инвентарные книги, любезно предоставленные работниками бюро русского кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа. Однако библиографические данные на деятелей культуры представлены неравномерно, что

обусловлено как различием их вклада в отечественную культуру, так и отсутствием в отдельных случаях более подробных сведений о деятельности их за рубежом.

Другое издание Российского института культурологии посвящено исследованию деятельности Русского культурно-исторического музея, созданного русскими эмигрантами в 30-е годы в Чехословакии (1). Вставшая перед эмигрантами проблема сохранения культурного наследия, отмечает автор, имела двойственный характер. С одной стороны, русская эмиграция, в среде которой было немало выдающихся ученых, писателей, общественных деятелей, осознавала, что она сама является частью русской истории, чье наследие нуждается в сохранении, с другой - приходило понимание ответственности за сбережение великих гуманистических традиций российской культуры, особенно, как считали эмигранты, в связи с вырождением культуры в революционной России.

Именно сбережение и передача последующим поколениям культурно-исторических традиций могло спасти выходцев из России от денационализации, угроза которой явственно ощущалась ими практически во всех странах, в первую очередь в тех, где русские колонии были невелики по своей численности (Греции, Бельгии, Польше). По словам З.Гиппиус, "русская культура была в опасности" и долг эмигрантов состоял в "сохранении и приумножении ценностей родной земли" (1, с.11).

Эти задачи решались путем целенаправленного сбора в музеях и архивах письменных, изобразительных и вещественных источников, которые раскрывали историю первой мировой войны, Октябрьской революции, гражданской войны, историю образования "беженческих организаций". Так возникли Русский заграничный исторический архив, Донской казачий архив, музей современных событий в России. Однако целый пласт источников, отражающих богатейшее прошлое и настоящее российской культуры, в вышеназванных учреждениях представлен не был. В определенной мере этот пробел заполнил

образованный в 1935 г. в Праге Русский культурно-исторический музей, вдохновителем которого был Валентин Федорович Булгаков.

В первой главе в контексте историко-культурной жизни русских эмигрантов в Чехословакии рассматривается история создания музея. Во второй главе рассказывается о музейном собрании, которое подразделялось на картинную галерею, литературные научные материалы, а также пушкинское отделение, театральное отделение и др. Материалы, не вошедшие в состав какого-либо музейного собрания, хранились в архиве. Среди них - документы, раскрывающие жизненный путь видных политических и военных деятелей - Е.К.Брешко-Брешковской, генералов А.А.Брусилова и П.Н.Врангеля, а также касающиеся жизни и деятельности Е.П.Блаватской - писательницы, основавшей в 1875 г. в Нью-Йорке теософическое общество.

С целью увековечения памяти эмиграции в кабинете зав. музеем В.Ф.Булгакова был устроен своеобразный некрополь - портретная галерея деятелей русского зарубежья, скончавшихся в разных странах. Что касается выходцев из России, закончивших жизнь в Чехословакии, то они, как указывает автор, хоронились на Ольшанском кладбище, ставшем, подобно французскому Сент-Женвьев-де-Буа, братской могилой русской эмиграции.

Ценной частью музея являлась его библиотека, насчитывавшая более 3000 томов. Здесь хранились книги классиков русской литературы, современных писателей-эмигрантов. Кроме книг в библиотеке находились разрозненные комплекты периодических изданий, таких как журналы "Воля России", "Вольная Сибирь", "Центральная Европа" (Прага), "Казачьи думы" (София), "Карпатский свет" (Ужгород) и др.

Рассказывая о судьбе музея, автор отмечает, что после оккупации Чехословакии немецкими войсками директор музея В.Ф.Булгаков был зрестован (как советский гражданин). Кроме того, возникла угроза закрытия музея в связи с требованием чешского управления текстильной промышленности освободить часть

помещений, где располагались коллекции музея. Значительная часть музейных коллекций погибла при бомбежке. Однако некоторое время музей еще продолжал работать в одной из пражских школ, куда были перевезены уцелевшие коллекции.

В 1948 г. Булгаков вернулся в Россию, без которой не мыслил своей жизни. Предварительно он отправил в Москву коллекции своего детища - Русского культурно-исторического музея. Часть музейных коллекций была направлена в Москву в 1945 г. в составе Русского заграничного исторического архива, переданного в дар Академии наук СССР правительством Чехословакии. Практически было реализовано одно из требований Положения о Русском культурно-историческом музее, где в первом параграфе ставилась задача в будущем перенести музей в Россию.

Однако в СССР коллекции пражского музея были поглощены собраниями различных московских музеев и архивов. Так, например, в Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), куда были переданы архивы русских писателей-эмигрантов, попали рисунки Л.Голубева-Багрянородного и К.Пясковского, изображения гербов, выполненные Н.А.Пушкиным, экслибрисы А.Юпатова, альбом В.Свечиной-Кишенской с автографами многих знаменитых людей своего времени.

Картины русских художников А.Бенуа, Н.Гончаровой, М.Добужинского, З.Серебряковой пополнили собрания Государственной Третьяковской галереи, ГМИИ им.А.С.Пушкина, Государственного Русского музея.

Коллекции отделения русской старины в основном были переданы в Государственный исторический музей (в том числе уникальная карта Волги, составленная Адамом Олеарисом).

Архив Русского культурно-исторического музея был рассеян по собраниям двух центральных архивов: Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) и ЦГАЛИ.

Автором высказывается пожелание об объединении разбросанных по разным архивам и музеям материалов бывшего Русского культурно-исторического музея, что наряду с поиском других уцелевших его коллекций, поможет исследователям добыть новые интересные сведения о культурной жизни русского зарубежья, о деятельности эмиграции, направленной на сбережение историко-культурных богатств России.

В заключение автор подчеркивает, что ценность музея заключалась не только в уникальности собранных в нем материалов и реликвий по истории и культуре русского зарубежья, но и в той возможности, которую он давал для налаживания связей между представителями русской эмиграции в разных странах, объединении их усилий для сохранения культурных богатств России.

Список литературы

1. Докашева Е.С. Русский культурно-исторический музей в Праге / Рос. Ин-т культурологии МК РФ и РАН; Науч.ред. Шулепова Э.А. - М., 1993. - 85 с.
2. Литвинова Г.И. Русские американцы / Вступ. ст. Троицкого Е.С.- М., 1993. - 93 с.
3. Проблемы изучения истории Российского зарубежья: Сб.ст. / Ин-т рос.истории РАН, Ассоциация "Родина". - М., 1993. - 103 с.
4. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): Учебное пособие / Ист.-арх. ин-т РГГУ. - М., 1994. - 117 с.
5. Русское зарубежье в Латинской Америке / Ин-т Лат. Америки РАН; Отв. ред. и сост. Сизоненко А.И. - М., 1993. - 80 с.
6. Савич Н.В. Воспоминания. - СПб.; Дюссельдорф, 1993. - 493 с.
7. Шулепова Э.А. Русский некрополь под Парижем / Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН. - М., 1993. - 96 с.